

Может быть, я чем-то могу быть Вам полезна: все-таки живой свидетель далекого для Вас времени. (Думаю, что Вы сравнительно молоды.)

С уважением Т. Кисельгоф.

29.11.80 г. Орджоникидзе.

Глубокоуважаемая и дорогая Татьяна Николаевна!

Вчера я получил Ваше письмо и был радостно оглушен. До сих пор нахожусь в состоянии возбуждения. Очень и очень рад ему. Ведь в течение ряда лет я делал попытки найти Вас. Но никто из знакомых мне булгаковедов не помог мне в этом. Говорили, что не знаем, или, что Т. Н. не отвечает на письма, или, что Т. Н. уже нет в живых.

А потом, изучая архивы, газеты, документы, произведения Михаила Афанасьевича, в которых менее всего было данных о Вас, я все пытался представить Вашу внешность, Ваш голос, глаза, характер. Ведь Вы были рядом с Михаилом Афанасьевичем. Вы вместе с ним были для меня дорогими людьми. Я пытался интуитивно проникнуть в Вашу трудную жизнь того времени, воссоздать ее такой, какой она мне представлялась по материалам, собранным по крупицам за много лет. Но главное, чего я добивался, написать такое произведение, которое бы помогло советским людям еще больше полюбить М. А. Булгакова — писателя и человека, — понять его трудный путь в нашу действительность.

Первым, кто прочитал мое произведение в рукописи, был покойный К. М. Симонов. Уже незадолго до смерти, из больницы он написал мне: «Прочел вашу рукопись взахлеб. Очень интересно. Ее нужно печатать». Его поддержка окрылила меня. И вот книга с большими трудностями летом этого года увидела свет. На этом пути была масса трудностей, и я счастлив от того, что сумел преодолеть их. Сейчас получаю очень много писем. И к моей радости пока что очень хорошие. Так, очень приятно было замечание Лазарева (зам. редактора журнала «Вопросы литературы»), который написал: «Ваша книга светится любовью к Булгакову». Большой похвалы мне не нужно.

Среди этих писем Ваше для меня самое дорогое. Как я рад, что Вы живы, здоровы и что до Вас дошла моя книга. Каким образом? Теперь я могу только радоваться, что героиня моей повести «ожила» и может мне многое сказать. Я твердо знаю, что повстречайся с Вами прежде, книга была бы лучше, а многие факты ее повествования стали бы точнее. Однако и то, что Вы сразу не поругали меня, — большая радость.

Посылаю Вам книгу (она здесь сразу стала библиографической редкостью) и, прежде всего жду замечаний. Они помогут сделать книгу лучше, а я надеюсь, что в будущем мне удастся ее переиздать. Однако прошу помнить, что о Вас я почти все писал, руководствуясь творческой интуицией. Мой творческий девиз был: так должно было быть, иначе не могло быть. Ведь я не знал даже, когда и как Вы приехали во Владикавказ, откуда, где поселились, как добрались в Тифлис и т. д.

О, какая была бы для меня великая радость, если бы Вы написали хоть небольшие воспоминания. О себе, о своих близких, о владикавказском периоде Вашей жизни. Каждая Ваша фраза для меня сейчас очень дорога. Это без преувеличения. И отнеситесь к этому не как к моему любопытству, а как к долгу перед нашей великой литературой. Я редактор журнала «Литературная Осетия» и постараюсь все, что будет от Вас, опубликовать так, чтобы это было полезно делу, т. е. нашему представлению о людях, нам дорогих и любимых.

Как Вы живете, кто с Вами, в чем нуждаетесь? Напишите обо всем. Я повторяю: Ваши письма для меня не только радость, но и большой материал для творческих раздумий.

С нетерпением жду вестей от Вас. Здоровья и бодрости Вам на много лет.

Ваш Девлет Гиреев.